

"...Самой себе пишу"

Из последних записей Фаины Раневской

Окончание. Начало в № 3

Все думаю о Пушкине. Пушкин - планета!

(...) Проклинаю себя за то, что не записывала все, что слышала от А. А. Она так изумительна была во всем, что говорила, писала. Стихи ее люблю, как люблю пушкинские - Пушкина она боготворила. Как было с ней хорошо, как интересно. Сейчас я одна, одна до ужаса.

Почему я не записывала, идиотка, все, что от нее слышала, узнала? А какая была труженица: и корейцев переводила, и Пушкиным занималась, и мучилась Левой, которого у нее отнимали.

Как одиноко мне без нее, без моей Павлы Леонтьевны. Ужасная жизнь теперь.

Тоска, смертная тоска, и так вся жизнь: дело идет к финишу. Вспоминаю детство, мать плачет, убивается, 1904-й год.

Умер Чехов.

Когда теперь вспоминаю детство, ничего не было радостного, вспоминаю: "Умер Чехов".

Вспоминаю мою добрую мать, ее крик: "Совесть ушла, как жить?"

1910 г. Умер Толстой. На улице плакали прохожие, я это видела, и теперь вспоминается только все горестное.

(...) Интеллектуалы сперли 6-й том Шекспира уникального издания! Каждый день обнаруживаю новую кражу книг. Уборщицы унесли серебро - вилки, ложки, которые мне нужны были, чтобы продать, всегда без дензнаков. Не везет на прислугу, на интеллектуалов тоже.

Вчера играла, не игралось, не жила в роли, нечем было жить.

Искусство понимаю как **самоограничение**, вчера старательно самоограничивалась. В театр пришел актер Юрский. Вообразил себя режиссером. Зря-зря вообразил. Играл Островского, которого бережно люблю. Страдала за Островского. Публика неграмотная, хлопала, Юрский ликовал.

Читала однажды Ахматовой Бабея, она восхищалась им, потом сказала: "Тений он, а Вы злодано" (...)

Была Ася, славно она. И ей приходилось, как и мне, радоваться близости Ахматовой, и это нас с ней роднит.

Надо играть на театре, а уже неохота, трудно, старая я для игранья. Роль бытовая, нянька, быта не люблю, не умею. Директор не понимает ни театра, ни актера - одиноко, одиноко. Одна радость - псинка, подобрала на улице, помирала, хозяйина, как потом узнала, забрали, собаку избили и выбросили в холодный, зимний день, она замерзала, я ее лечила, она теперь живет, как Сара Бернар, а я, как сен-бернар! В театре тошно, постыдно в нем существовать. Балаган. Актеры неучи, талант редкость. Проклинаю себя за транжирство, а старость, поистине - не радость, а надо в театре торчать ради заработка.

Стыдно мне это сознавать.

Кому, зачем пишу?

Это все от одинокости.

Князь Голицын был у меня.

Новшество - нет суфлера, будь они неладны - новаторы! Великая Ермолова говорила: "Суфлер - покой актера". Роли свои она играла сотни раз, знала роль, как свое имя, а будка суфлерская - "это покой актера", отнят этот покой - "новшество", бездарь чертова мешает работать. Театр стал походить на контору, обдeldывает свои дела всякая шваль, где таланты, я их не вижу. Нестерпимо тяжело, одиноко, не нужно такое, а ведь надо терпеть.

Дождалась весны - холод, даже похожее на снег что-то падало с небесных высот, а ведь так мало уже их осталось - "вёсен". Грустно, нестерпимо грустно.

Май, 82-й год

Что с человеком творит чувство одинокости, сама себе пишу.

Есть и у меня радость, отказалась играть роль чуждую, ненужную, а моей роли так и не создала за долгую жизнь в театре.

Я не интересовала руководство чиновное.

Встретились веселые старухи! С чего бы веселиться им?

Старость - болезнь неизлечимая, горестна мне до ужаса старость. Не могу привыкнуть.

Театр - больше его нет у меня. А люди в нем подличают, сплетни, гадко нестерпимо. Плохо на душе, тоска смертная, и такое одиночество - будто я одна на планете. Кому пишу? Самой себе, это же очень плохо, плохо мне. Спасибо собаке, не подлизывается, не врет, глаза добрые. Что бы я делала без нее. Ушли мои все, ушло все. Боюсь сойти с ума.

Рада Анатолию Адоскину - он творчески чистый, кроме Толи, в театре у меня нет никого своего.

Пристают, просят писать о себе. Отказываю. Писать о себе плохо - не хочется, писать о себе хорошо - неприлично. Значит, надо молчать.

К тому же и стала делать ошибки, а это постыдно, в письме ошибка - безграмотна, подумают, а это неверно, я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать. Так доживаю, с этой отдачей...

Ошибка в письме, как клоп на белой блузке! (...)

Почему-то не могу писать о любимых людях. Просили писать об А. А. Ахматовой - не могу, отказалась, о Качалове, тоже дарившем меня дружбой, не могу, не могу о своей Павле Леонтьевне. Павле Леонтьевне Вульф обязана тем, что я стала актрисой, а писать не могу - лучше, чище, добрее, честнее, не знала человека, а писать о ней не могу.

Скончалась Бабанова - величайшая актриса нашего времени. Умирала долго, смертная тоска по ней у меня. 83-й год, 5 апреля.

Все время с мучительной тоской думаю об изумительной актрисе Бабановой. Почему, почему так называемый Бог послал ей долгое умирание. За что? Почему?

Живу так одиноко, не с кем вспомнить, говорить о ней!

Май, 83-й г.

Одиночество мое нестерпимо. Скорей бы...

Как скучно кончать жизнь.

Раневская Фаина

К сожалению, газетные размеры не позволяют нам воспроизвести полный текст "Записок" Ф. Г. Раневской. В представленных здесь фрагментах рукописи, расположенных в хронологической последовательности, хотелось добиться относительной их цельности и законченности внутри выделившегося круга тем.

При публикации мы воздержались от какой бы то ни было редактурной обработки текста. Даты, которыми помечены несколько записок, сохранены. В остальных случаях - из-за явного расхождения во времени записей, сделанных в разные годы (с 1978 по 1984 г.) на страницах старого еженедельника за 1970 год, публикатором в расчет не брались. Заглавие взято из текста рукописи.

Публикатор выражает глубокую благодарность А. Б. Чижову и Н. Б. Кузьминой, оказавшим ему помощь на разных этапах работы над записями Ф. Г. Раневской.

Публикация Игоря ЧАНЫШЕВА

«АРТ-ФОНАРЬ», №4

67

2

Арт-Фонарь: Ежемесячное прил. к еженедельнику "Аргументы и факты"

1993 - №4 - с. 2

1993 №4